

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a man with long, dark, wavy hair and a woman with long, flowing blonde hair. The man is wearing a dark, ornate coat with gold embroidery and a blue cravat. He is holding a small, glowing pink flower in a glass vial. The woman is wearing a purple dress with gold embroidery and a white corset. They are standing in front of a stained glass window with pink roses. The overall style is gothic and romantic.

Эликсир похудения

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Эликсир похудения

<https://litres.ru/74279294>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса поступила в престижную Академию естественных наук, но вместо триумфа чувствует себя «гадким утёнком» на фоне стройных сокурсниц. Отчаявшись, она проникает в закрытое архивное крыло, где сталкивается с Германом Крамером - гениальным третьекурсником по прозвищу Призрак колб. Вместо того чтобы сдать её охране, он едко высмеивает её неуклюжесть и заключает странную сделку: она становится его подопытной, а он синтезирует для неё эликсир, сжигающий жир.

Килограммы тают, отражение в зеркале радует, но возникает пугающий побочный эффект: между ними начинает искрить в прямом смысле слова. Лампы мигают в такт их пульсу, а прикосновения бьют током. Слишком поздно Алиса понимает: эликсир был лишь прикрытием для опасных экспериментов над самой природой материи. Теперь их связывают не только чувства, но и нестабильный код в её ДНК.

Содержание

Глава 1. Формула несовместимости	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Патрушев

Эликсир похудения

Глава 1. Формула несовместимости

Существовала особая, ни с чем не сравнимая магия предвкушения, которая жила в Алисе последние полгода — с того самого момента, как на ее планшет пришло заветное письмо о зачислении. Она культивировала эту магию бережно, словно редкий кристалл, выращиваемый в перенасыщенном растворе. Каждую ночь, засыпая в своей крошечной комнате в родительском доме, она рисовала себе Академию. В ее воображении это был живой, дышащий организм, пропитанный запахами. Ей грезился терпкий аромат старых книг в кожаных переплетах, кисловатый душок химических реактивов, просачивающийся даже сквозь плотно закрытые двери лабораторий, и едва уловимый, сладковатый запах озона — верный спутник работающих трансформаторов Теслы и высоковольтных генераторов. Она представляла себе гул голосов в коридорах, обсуждающих не пустые сплетни, а последние статьи из «Вестника квантовой физики», споры о термоядерном синтезе и теории струн, прерываемые взрывами хохота над какой-нибудь забавной ошибкой в расчетах. В этой

утопии наука была не просто набором дисциплин, она была самой атмосферой, воздухом, которым дышали студенты, и этот воздух, казалось Алисе, будет густым, насыщенным, почти осязаемым, полным жизни и хаоса творчества.

Реальность, как это часто бывает с мечтами, оказалась не просто другой — она оказалась полной ее противоположностью. Алиса стояла в центре главного атриума Академии естественных наук, и первое, что она почувствовала, был не восторг, а удушье. Запах. Вот что стало самым сокрушительным, самым горьким разочарованием. Воздух здесь не имел ничего общего с ее фантазиями. Он был стерилен до такой степени, что, казалось, в нем не могла выжить ни одна, даже самая неприхотливая бактерия. Пахло исключительно медицинским спиртом, полиролью для металлических поверхностей и чем-то еще, едва уловимым, синтетическим — не то ионизированным воздухом из климатических установок, не то дезинфектором для рук, диспенсеры которого висели на каждой стене через равные промежутки. Этот запах был не просто чистым, он был агрессивно, навязчиво чистым. Он не приглашал к исследованиям, он предупреждал: любое проявление жизни, любое органическое вторжение будет немедленно выявлено и уничтожено. Он въедался в одежду, в волосы, в самую душу, вытравливая любые намеки на индивидуальность, на несовершенство, на человеческое тепло. Это был запах порядка, холодного, математически выверенного

и абсолютно равнодушного ко всему, что не вписывалось в его строгие рамки. И Алиса, со своим вечно пышущим жаром телом, с румянцем, который предательски заливал щеки при малейшем волнении, с вечно сползающими на кончик носа очками, чувствовала себя инородным телом, теплым, живым и потому отторгаемым этой стерильной средой.

Она стояла, вцепившись в новенький планшет так, словно это был спасательный круг в бушующем море ее собственной неуверенности. Ее пальцы, короткие и немного пухлые, побелели от напряжения. Вокруг нее, словно стайки экзотических, невесомых рыб в идеально чистом аквариуме, сновали другие первокурсники. Девушки, все как на подбор, были высокими и стройными, с той особой, аристократической худобой, которая дается не диетами, а, казалось, самой генетикой. Их острые лопатки, ключицы и запястья проступали сквозь тонкую, очевидно дизайнерскую, ткань безупречно отутюженных лабораторных халатов. Эти халаты сидели на них не как униформа, а как кутюрные наряды, подчеркивая изящество линий. Они смеялись, мелодично запрокидывая головы, и их идеально уложенные волосы — каскады блестящих локонов, гладкие графичные каре или строгие, высокие пучки — ловили и преломляли яркий свет огромных панорамных окон, создавая вокруг каждой головы что-то вроде сияющего ореола. Алиса инстинктивно втянула голову в плечи, отчего ее собственная мантия, предусмотрительно куп-

ленная на два размера больше в тщетной надежде скрыть объемы, которые бабушка деликатно называла «статью», а она сама в минуты отчаяния — «тушей», смешно натянулась на спине, а на животе собралась некрасивыми складками. Она чувствовала себя огромной, нелепой, до смешного неуместной, как белый медведь, каким-то чудом затесавшийся в стаю грациозных борзых. В этом стерильном раю утонченных форм она была олицетворением грубой материи, хаоса, облеченного в плоть. Ее щеки пылали огнем от одной только мысли, что кто-то может провести невольное сравнение между ней и этими эфемерными созданиями, и результат этого сравнения будет явно не в ее пользу.

Она проклинала сейчас всё на свете. Свой замедленный метаболизм, который, казалось, работал с КПД вечного двигателя, извлекая энергию буквально из воздуха и запасая ее в самых стратегически невыгодных местах. Свою любовь к сладкому, которая была не просто привычкой, а настоящим утешением, маленьким, надежным ритуалом посреди хаоса бесконечных олимпиад, вступительных экзаменов и подготовительных курсов. Вечерняя чашка чая с домашним печеньем, шоколадный батончик, съеденный украдкой во время решения особо трудной задачи по квантовой механике — это были ее якоря, ее способ справиться со стрессом. А теперь эти якоря, эти маленькие радости обернулись против нее, став клеймом на теле. Она винила генетику, щед-

ро одарившую ее не только умом, способным схватывать на лету сложнейшие концепции, но и широкой костью, и плотной, «добротной», как говорила бабушка, фигурой. Эта «добротность», которая в ее семье считалась признаком здоровья и хорошей породы, здесь, в этом храме эстетического совершенства, казалась ей слоновьей неуклюжестью, примитивной и постыдной. Поступление в Академию было ее мечтой, кристально чистой и твердой, выстраданной, оплаченной бессонными ночами, когда глаза слипались, а перед внутренним взором плыли уравнения Максвелла, и сотнями решенных задач, каждая из которых была маленьким сражением. Но триумф, которого она ждала с замиранием сердца, представляя, как будет гордо идти по этим коридорам, оказался с горьким, отравляющим привкусом стыда. Она, наивная, думала, что здесь, среди таких же, как она, — увлеченных, немного не от мира сего, фанатиков науки с горящими глазами и перепачканными мелом пальцами, — ее внешность, ее нелепость отойдут на второй план, станут неважными. Реальность же оказалась жестокой пощечиной. Академия была не только кузницей научных кадров, но и заповедником элиты, где безупречные гены, идеальная осанка и умение носить дизайнерскую униформу, казалось, были таким же обязательным, хоть и негласным, условием для зачисления, как и высокий балл на экзаменах.

Ее слух, обостренный чувством незащищенности, уловил

обрывок разговора неподалеку. Две девушки, похожие на сошедших с подиума моделей, остановились буквально в двух шагах от нее. Одна — блондинка с пепельным отливом, чья сложная прическа напоминала визуализацию двойной спирали ДНК, — лениво листала что-то на полупрозрачном голографическом экране своего браслета. Вторая — брюнетка с такими острыми скулами, что ими, казалось, можно было резать стекло, — слушала, скептически изогнув тонкую бровь.

— ...говорят, полноценный лабораторный практикум у нас начнется только со второго семестра, — щебетала блондинка, и ее голос, высокий и немного капризный, резанул Алису, словно осколком стекла. — Представляешь? Первый месяц, а то и два — только общая химия и физика в лекционных аудиториях, да введение в специальность. Скукотища смертная.

— Не то слово, — поддакнула брюнетка, перекатывая во рту невидимую мятную конфету. — Я, когда подавала документы, думала, мы с первого дня начнем работать с квантовыми анализаторами, спектрографами, может, даже с ускорителем. А вместо этого — бесконечная техника безопасности и история научной методологии. Мой старший брат, он на четвертом курсе, говорил, что на первом курсе к мало-мальски серьезному оборудованию даже не подпускают. Слишком много ценного можно сломать. Говорит, политика

Академии — сначала теория до тошноты, а уже потом практика.

Алиса замерла на месте, словно наткнувшись на невидимую стену. Сердце, только что бившееся где-то в горле от стыда, ухнуло вниз, в желудок, где тут же скрутился тугой, холодный узел глубочайшего, почти детского разочарования. Лаборатории закрыты. Для нее — закрыты. Эта мысль пульсировала в мозгу, вытесняя все остальные. Она представляла себе учебу совсем, совсем иначе. Ее личная фантазия об Академии была неразрывно связана не с лекционными залами, а с лабораториями. Ей грезились бесконечные, уходящие в перспективу ряды колб и пробирок, тихое, убаюкивающее гудение центрифуг, таинственное мерцание экранов осциллографов и неповторимый, острый запах химических реактивов. Именно там, среди точных приборов, где значение имели только числовые значения, формулы и результаты экспериментов, а не объем талии или форма лица, она надеялась обрести себя. Лаборатория была в ее представлении не просто учебным классом — это было убежище, сакральное пространство, где ее ум, ее главное достоинство, наконец-то выходил на первый план, а ее тело, вечно подводившее ее, оставалось за дверью, скрытое бесформенным, демократичным лабораторным халатом. И теперь это убежище, эта земля обетованная, откладывалась на неопределенный, мучительно долгий срок. Ее заставляли ждать, то-

миться в предбаннике, в то время как она была готова войти в святая святых. Обида, горячая, жгучая и абсолютно иррациональная, подступила к горлу, грозя прорваться слезами. Она чувствовала себя обманутой. Она пробилась сюда, прогрызла себе путь острыми зубами своего интеллекта, а ее, как неразумного щенка, сажают в манеж, не давая даже прикоснуться к тому, ради чего всё это затевалось.

Это стало последней каплей, тем финальным, ничтожно малым грузом, который ломает хребет верблюду. Ее решение родилось не в результате долгих раздумий, а мгновенно, импульсивно, из бурлящей смеси горечи, обиды и внезапно проснувшейся, злой решимости. Если официальные лаборатории закрыты для таких, как она, если ее, как нерадивого ребенка, не пускают в песочницу, она найдет то, что открыто. Она сама добудет себе убежище. Карта Академии, загруженная в память ее планшета, была подробной и интерактивной, но в ней, как и в любой карте, скрывающей секреты, зияли белые пятна. Одно из них привлекло ее внимание еще неделю назад, во время бессонной ночи перед отъездом. Это было так называемое Архивное крыло, примыкающее к старому, давно не ремонтировавшемуся корпусу биофизики. Официальная версия гласила: «Хранилище устаревшей документации и списанного оборудования. Доступ только по спецпропускам». Неофициальная, собранная по крупицам из вялых обсуждений на студенческих форумах, была куда

интереснее. Об этом месте ходили слухи. Его старательно обходили стороной, упоминая вскользь и с изрядной долей суеверного страха — что-то про «глюки навигации», «аномальные электромагнитные поля» и «очень плохую ауру». Алиса, как будущий ученый-естественник, в ауру и прочую эзотерику не верила ни на грош. Глюки навигации она списывала на банальное экранирование старых, массивных приборов из довоенной стали, а дурную славу — на страх студентов перед пылью и пауками. Это звучало не как предостережение, а как вызов, как приключение, которое само шло к ней в руки.

Дождавшись, когда атриум почти опустеет и эхо последних шагов стихнет в высоких сводах, она, стараясь ступать как можно тише и незаметнее — задача, почти невыполнимая при ее комплекции и врожденной грации циркового слона, — двинулась в обход центрального, залитого светом лифтового холла. Путь лежал через запутанную череду внутренних переходов и галерей, которые становились всё уже, темнее и безлюднее с каждым шагом. Величественный мраморный пол главного корпуса, натертый до зеркального блеска, сменился истертым, кое-где потрескавшимся линолеумом, рисунок на котором давно стерся под бесчисленными шагами. На смену благородному минимализму пришел утилитарный, почти больничный функционализм. Навязчивый запах спирта и полироля, царивший в атриуме, здесь смешивался с новыми, тревожными нотами: густой, сладковатой пы-

лью библиотечных хранилищ, резким запахом старой изоляционной ленты, которой были кое-как обмотаны пучки проводов под потолком, и едва уловимым металлическим душком, какой бывает у давно не работающих, ржавеющих механизмов. Освещение здесь было не основным, а лишь аварийным, дежурным. Редкие лампы под потолком гудели низко и надсадно, на грани слышимости, словно рой потревоженных шмелей, и заливали коридоры тусклым, нездоровым желтоватым светом, в котором все предметы отбрасывали глубокие, искаженные тени. Алиса то и дело сверялась с картой на планшете, но та начала предательски барахлить, показывая противоречивые данные: то утверждала, что Алиса идет сквозь несущую стену, то помещала ее в центр внутреннего двора. Глюки навигации, о которых ее предупреждали, начались. Наконец, после особенно длинного и, казалось, всеми забытого коридора, заставленного какими-то деревянными ящиками, она уперлась в массивную металлическую дверь. Дверь была старой, выкрашенной облупившейся серой краской, и, вопреки всем ожиданиям, была не заперта, а слегка, на пару сантиметров, приоткрыта. На ней висела выцветшая, пожелтевшая от времени табличка с надписью строгим трафаретным шрифтом: «Архив. Лабораторный корпус №4. Посторонним вход строго воспрещен».

Сердце в груди Алисы колотилось теперь не от стыда, а от выброса адреналина, гулко и часто, отдаваясь в висках.

Посторонним. Это слово резануло ее своей несправедливостью сильнее, чем она ожидала. Оно эхом отозвалось в душе, усугубляя и без того горькое чувство изгойства. Разве она посторонняя? Она — студентка этой Академии, она прошла жесточайший отбор, она имеет кровное, заслуженное право знать, что скрывается за этими дверями. Она имеет право быть здесь. Убедив себя в этом, она, подчиняясь порыву, который был сильнее страха, толкнула тяжелую створку. Та поддалась с протяжным, душераздирающим скрипом, от которого мороз пробежал по коже. Алиса скользнула внутрь, в зияющую темноту, и дверь за ее спиной с глухим, металлическим стуком закрылась, словно захлопнулась крышка гигантского саркофага, отрезав путь к отступлению, к свету и к привычному миру.

Алиса оказалась в полной, абсолютной, какой-то первозданной темноте. Такой густой, что ее, казалось, можно было осязать, как черный бархат, почувствовать кожей. Она замерла на месте, боясь сделать вдох, боясь пошевелиться. Все ее чувства обострились до предела. В этой кромешной, звонкой тишине, которую нарушало только биение ее собственного сердца, отдающееся барабанной дробью в ушах, каждый звук казался оглушительным. Паника, липкая, холодная и лишаящая воли, начала медленно, но верно подниматься откуда-то изнутри, из самого желудка, сковывая легкие ледяным обручем. Ей вдруг с кристальной ясностью

представились все возможные последствия ее дурацкой выходки: строгий декан по дисциплинарным вопросам, позорное слушание, письмо родителям и, как финал, отчисление с волчьим билетом без права восстановления. Крушение всех надежд, всего будущего, которое она так тщательно выстраивала. И всё из-за чего? Из-за глупой, детской обиды на то, что ее не пустили играть с дорогими игрушками.

Пытаясь унять предательскую дрожь в руках и отогнать парализующий страх, она нащупала на планшете кнопку фонарика. Узкий, холодный луч света, словно скальпель, вспорол плотную ткань мрака, выхватывая из небытия фрагменты реальности, от которых ей стало по-настоящему не по себе. Это был не просто архив в привычном понимании, не скучное собрание пыльных папок. Это было самое настоящее кладбище научной мысли, лавка древностей, где были свалены в кучу артефакты ушедших эпох. Огромное помещение, масштабы которого терялись в непроглядной тьме за пределами луча, было беспорядочно заставлено высоченными, до самого потолка, стеллажами, забитыми папками, кипами пожелтевшей бумаги и картонными коробками. Но самое жуткое и одновременно завораживающее зрелище представляли собой массивные деревянные столы, расставленные там и тут. На них, словно брошенные в панике и спешке много десятилетий назад, высились настоящие монстры научного приборостроения. Старые осциллографы с круг-

лыми, пузатыми зелеными экранами, похожие на одноглазых пришельцев из фантастических фильмов прошлого века. Громоздкие аналитические весы, заключенные в стеклянные колпаки, за толщей которых угадывались тончайшие, как паутинка, коромысла. Реторты, колбы и перегонные кубы самых причудливых, невообразимых форм, покрытые таким толстым, пушистым слоем серой пыли, что она делала их похожими на призрачные, бархатные музейные экспонаты. Воздух здесь был совершенно спертый, мертвым, неподвижным — ни малейшего колебания, ни сквозняка. Он был густо насыщен запахом разложения, но не органического, не сладковатого запаха гнили, а какого-то сухого, технологического тлена: пахло старой изоляцией, медленно корродирующим металлом, разлагающейся от времени пластмассой и вездесущей, всепроникающей книжной пылью.

Алиса, забыв на мгновение о страхе, медленно двинулась вперед по узкому, извилистому проходу между стеллажами. Она была совершенно заморожена этим царством забытых вещей, этим слоновьим кладбищем научного прогресса. Ее луч скользил, как любопытный зверек, по рядам приборов, высвечивая прикрученные к ним металлические таблички с инвентарными номерами и лаконичными эпитафиями. «Калориметр дифференциальный сканирующий, модель КДС-12. Списано в 2067 г. Причина: неремонтопригоден». «Спектрограф атомно-эмиссионный, модель СФ-4М. Спи-

сано в 2071 г. Морально устарел». На соседнем столе лежала целая гора пухлых лабораторных журналов в картонных обложках. Любопытство, на время заглушенное страхом, вспыхнуло в ней с новой, неистовой силой. Забыв об осторожности, словно загипнотизированная, она взяла верхний, самый пыльный. Сдув облако едкой пыли, от которой тут же запершило в носу, она осторожно открыла его. Страницы, хрупкие и пожелтевшие по краям, были исписаны от руки убористым, почти каллиграфическим почерком, чернила которого из черных превратились в коричневые. Длинные вереницы формул, сложнейшие многоступенчатые уравнения, которые, казалось, были понятны только тому, кто их выводил, перемежались аккуратными диаграммами и графиками, вычерченными цветной тушью. Алиса попыталась вникнуть в суть расчетов, в логику этих давно умерших экспериментов, но в этот самый момент ее внимание отвлек слабый, пульсирующий источник света в глубине зала. Он исходил не от лампы дневного света, не от аварийного светильника, а словно из-под груды какого-то металлического хлама, сваленного в углу. Маячок. Маячок работающего прибора. Здесь, в этом царстве мертвого железа! Сердце забилося быстрее, в висках застучала кровь. Живое в мире мертвого.

Забыв обо всем на свете — и об осторожности, и о страхе быть обнаруженной, — она рванулась вперед, жадно раз-

двигая свисающие отовсюду пыльные занавеси паутины, и тут же с ослепляющей, тошнотворной ясностью осознала всю глубину своей катастрофической ошибки. Ее нога, обутая в мягкую, бесшумную балетку, зацепилась за толстый, словно анаконда, резиновый кабель, вольно выющийся по полу от одного из столов. Потеряв равновесие, она, словно в замедленной съемке, начала заваливаться набок, отчаянно взмахнув руками в тщетной попытке ухватиться хоть за что-то. Ее пальцы сомкнулись на краю ближайшего стеллажа, но тот, будучи старым, расшатанным и совершенно не закрепленным, угрожающе покачнулся ей навстречу, словно решив погрести ее под своими пыльными сокровищами. С душераздирающим, пронзительным металлическим лязгом и звоном бьющегося стекла, который в гробовой, вековой тишине архива прозвучал как оглушительный взрыв гранаты, на пол, прямо на Алису, посыпался целый каскад деталей, стеклянных колб, тяжелых медных контактов и рассыпающихся от ветхости книг. Она и сама не удержалась на ногах, грузно, всем своим весом рухнув на колени прямо в центр этого хаоса, в эту стеклянную крошку и рассыпавшиеся страницы. Острая, обжигающая боль пронзила левую ладонь — она, выставив руку для смягчения удара, глубоко порезалась об осколок лопнувшей пробирки. Фонарик на планшете, ударившись об пол, предательски моргнул и погас, и его экран пошел мелкой, хаотичной рябью помех, словно старый телевизор. В наступившей вслед за грохотом абсолютной, звеня-

щей тишине, которая была в сотни раз страшнее самого грохота, потому что была полна невидимого, затаившегося наблюдателя, раздался звук, от которого кровь буквально застыла в жилах, превратившись в ледяную крошку. Медленный, размеренный, издевательски-отчетливый хлопок. Хлопок одиноких ладоней.

— Bravo, — произнес голос из крошечной тьмы. Голос был низким, с легкой, приятной хрипотцой, и он сочился таким концентрированным, таким ледяным сарказмом, что им, казалось, можно было бы травить лабораторных крыс или выжигать сорняки в саду. — Эффектное появление. Даже не припомню, когда в последний раз мне доводилось наблюдать столь... громкое и разрушительное вторжение. Вы всегда входите в закрытые помещения, предварительно круша всё на своем пути, или сегодня какой-то особенный, юбилейный случай?

Ослепительно-яркий, холодный луч ручного фонаря ударил ей прямо в лицо, заставив инстинктивно зажмуриться и прикрыть глаза рукой. Она услышала звук приближающихся шагов — неторопливых, уверенных, по-хозяйски спокойных. Шаги мерно хрустели осколками битого лабораторного стекла, словно кто-то шел по тонкому весеннему льду. Сквозь узкую щелку между прищуренными веками, ослепленная, она увидела, как от источника света отделилась вы-

сокая, размытая по краям фигура и неторопливо двинулась к ней, лавируя между обломками. Когда он подошел совсем близко и опустил фонарь чуть ниже, она смогла наконец его разглядеть. Это был парень, очевидно старше ее. Судя по возрасту и по тому, с какой уверенностью он здесь держался, — третьекурсник или даже четверокурсник. Высокий, худощавый, с той особой, нервной худобой, которая бывает у людей, забывающих о еде и сне ради своей работы. Черты его лица были резкими, словно высеченными из цельного куска камня грубым, но уверенным инструментом: высокие скулы, твердая линия подбородка, прямой нос. Его черные, слегка выющиеся и явно давно не видевшие расчески волосы пребывали в состоянии живописного, художественного беспорядка, а глаза, когда он наконец направил свет фонаря в пол, оказались странного, невероятного, почти прозрачного серого цвета. Холодные, ясные и острые, как жидкий азот, они смотрели на нее с выражением ленивого, брезгливого превосходства. Одет он был не в стандартную студенческую мантию, которая была обязательна для всех, а в простую, тонкий черный свитер с высоким горлом, плотно облегающим его жилистую шею, и старые, вытертые джинсы, что в этом царстве формальностей и показного конформизма выглядело почти дерзким вызовом. Его длинные, тонкие, как у музыканта, пальцы сжимали не обычный фонарик, а небольшой автономный лабораторный светильник на гибкой, гнущейся во все стороны ножке.

Он подошел почти вплотную и остановился, нависая над ней скалой. Вместо того чтобы помочь ей подняться, или хотя бы крикнуть, или вызвать охрану, он просто стоял и смотрел на нее сверху вниз с выражением глубокого, почти научного любопытства, смешанного с брезгливостью. Так энтомолог-любитель разглядывает неожиданно крупного, не особенно привлекательного жука, по ошибке заползшего в его идеально систематизированную коллекцию.

— Итак, — продолжил он, и его голос, усиленный акустикой высокого зала, эхом разнесся под сводами, отражаясь от стекла и металла, — давайте подведем краткий итог. Что мы имеем в сухом остатке? Пункт первый: первокурсница. Это очевидно по растерянному выражению лица и полному отсутствию понимания, куда она попала. Пункт второй: поразительное, я бы даже сказал, выдающееся отсутствие инстинкта самосохранения. Пункт третий: катастрофическое нарушение гравитационной устойчивости, повлекшее за собой цепную реакцию разрушений, сравнимую по масштабу с эффектом домино. И, наконец, пункт четвертый, судя по каплям крови, столь щедро орошающим бесценные, хотя и никому не нужные архивные документы сорокалетней давности, — острая несовместимость мягких тканей верхних конечностей с острыми предметами. Блестящий набор для одного дня.

Алиса, преодолевая физическую боль в ладони и куда более сильную, жгучую боль унижения, попыталась встать. Получалось плохо. Ноги дрожали, не слушались, а подошвы балеток предательски скользили на стеклянной крошке. Она чувствовала себя раздавленной, растоптанной, ничтожной, как та самая пробирка, осколки которой сейчас хрустели под его подошвами.

— Я... я не специально, — пробормотала она, чувствуя, как к горлу подступает тугой, горячий ком, мешающий говорить. Ее голос прозвучал жалко, по-детски. — Я просто искала...

— Вы искали приключений на свою... определенную часть тела, — бесцеремонно перебил он, не дав ей договорить. — И, как нетрудно заметить, нашли. В виде меня. И в виде этой живописной горы битого лабораторного стекла. Кстати, вам сказочно повезло, что это оказались всего лишь старые пробирки и мензурки, а не, скажем, детонаторы от списанных калориметрических бомб, у которых от времени могла нарушиться стабильность взрывчатого вещества. А ведь запросто могли бы. Тогда бы мы с вами сейчас разговаривали в несколько иной... дисперсной форме.

Он наклонился, не сводя с нее глаз, и поднял с пола один из выпавших лабораторных журналов — тот самый, который

она читала секунду назад. Брезгливо, двумя пальцами стряхнул с него пыль и осколки. Его холодный, серый взгляд на мгновение задержался на ее окровавленной ладони, и на его лице не дрогнул ни единый мускул.

— Встать самостоятельно можете? Или мне все-таки нужно вызывать специализированную бригаду спасателей с гидравлическими ножницами и подъемным краном, чтобы извлечь вас из-под обломков вашего личного, персонального триумфа?

Его слова хлестали, как звонкие, хорошо поставленные пощечины. Каждое из них било точно в цель, разбереживая и без того кровоточащие раны ее самооценки. Обида, горечь и стыд, копившиеся в ней с самого утра, весь этот ядовитый коктейль, наконец, нашел выход. Парализующий страх отступил под натиском слепой, почти животной ярости, которая придала ей сил.

— Не утруждайте себя, — процедила она сквозь зубы, с трудом, но решительно поднимаясь на ноги. Она выпрямилась во весь свой невеликий рост и гордо, насколько это было возможно в ее положении, вздернула подбородок, глядя на него снизу вверх с вызовом, который ее совершенно не красил. — Я и сама прекрасно, замечательно справлюсь. И вообще, кто вы такой, чтобы так со мной разговаривать? Вы

что, ночной сторож этого склада забытых вещей?

— Я, в отличие от вас, тот человек, который имеет абсолютно легитимное право сдать вас декану по дисциплинарным вопросам прямо сейчас, — парировал он без малейшей угрозы или злобы в голосе, а скорее с ленивым, почти академическим интересом, словно наблюдая за редкой химической реакцией. — Проникновение в строго закрытую зону, порча и уничтожение имущества Академии, пусть и давно списанного... Я думаю, по совокупности это вполне тянет на отчисление без права восстановления и апелляции. Как вы считаете?

У Алисы перехватило дыхание, и воздух застрял где-то в горле, став вязким и колючим. Вот он, ее самый большой, самый потаенный страх, только что облеченный в сухие, канцелярские слова. Она с пугающей, кинематографической ясностью представила себе глаза родителей, их растерянность и глубочайшее разочарование, свое позорное возвращение в родной город, перешептывания за спиной. Вся ее недавняя бравада, вся злость испарилась без следа, как капля эфира на стекле. Он заметил это мгновенно — этот внезапный, панический ужас, промелькнувший в ее глазах. Его холодные, прозрачные глаза, казалось, сканировали ее лицо, считывая каждую, даже самую мимолетную эмоцию, как чувствительный сканер считывает показания прибора.

— Но я, пожалуй, этого не сделаю, — неожиданно произнес он после долгой, мучительной паузы, и в его голосе прорезалась новая, неожиданная интонация — циничная, излучающая, почти игривая. — Мне, честно говоря, откровенно лень писать все эти бесконечные объяснительные записки, докладные и участвовать в заседаниях дисциплинарной комиссии. Абсолютно нерациональная трата времени. К тому же, должен признать, вы меня... слегка позабавили. Давно я не видел такого эффектного, фееричного провала.

Он снова сделал паузу, обводя лучом своего фонаря всю ее фигуру — снизу вверх и сверху вниз, медленно, оценивающе, бесцеремонно. И Алиса физически, всей своей пылающей кожей почувствовала этот холодный, препарирующий, все раздевающий взгляд. Он смотрел не на девушку, он смотрел на объект, на specimen, на ходячую аномалию. Ей захотелось немедленно провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в воздухе, которым она, по его мнению, не имела права дышать.

— Знаете, в чем заключается ваша главная, фундаментальная проблема? — спросил он, слегка склонив голову набок и сузив свои серые, пронзительные глаза. — Даже не в том, что вы неуклюжи и нелепы, как слон, по недоразумению выпущенный на каток. И даже не в том, что вы с патологическим упорством нарушаете прямые правила и предписания.

Ваша главная проблема в том, что вы — живое, ходячее, дышащее термодинамическое противоречие. Вы — воплощенный парадокс.

Алиса опешила, ошеломленно моргнув. Такого поворота, такого уровня абстракции она не ожидала даже от этого высокомерного грубияна.

— Что, простите?..

Он шагнул еще ближе, нарушая все мыслимые границы личного пространства, и теперь она могла разглядеть каждую деталь его бледного лица в мельчайших подробностях: тонкую, искривленную в сардонической усмешке линию губ, глубокие, почти черные тени под глазами, которые свидетельствовали о хроническом недосыпе и, возможно, злоупотреблении кофеином, крошечный, почти незаметный шрам над левой бровью. И это выражение абсолютного, неколебимого интеллектуального превосходства, которое ужасно, до дрожи в коленях, хотелось стереть с его лица.

— Термодинамика, — повторил он нараспев, словно смакуя это слово, пробуя его на вкус, как дорогое вино. — Фундаментальный, краеугольный раздел физики. Не пугайтесь, я объясню на пальцах. Первый закон, возможно, вы о нем что-то слышали в школе, — это закон сохранения энергии. Энергия не берется из ниоткуда и не исчезает в никуда. Это аксиома. Вы потребляете пищу — это поступление энергии в систему. Вы, например, неуклюже двигаетесь, совершая хаос.

тические телодвижения, — это бесполезный расход кинетической энергии. Вы сейчас так аппетитно покраснели от злости, и ваши щеки пылают — это выделение тепловой, инфракрасной энергии в окружающую среду. Всё это — простое, классическое, элегантное уравнение энергетического баланса. У всего есть вход и выход, приход и расход. Всё просто, изящно и поддается расчету.

Он снова обвел ее фигуру лучом света, на этот раз медленно и целенаправленно, как лазерной указкой на лекции, демонстрируя аудитории наглядное пособие.

— Но вот вы... Вы, милая барышня, представляете собой самый настоящий «черный ящик» с абсолютно непредсказуемым, невозможно низким коэффициентом полезного действия. Вы поглощаете на входе, судя по всему, количество энергии, которое в разы, в десятки раз превышает среднестатистическую, рекомендованную диетологами норму. А что же мы имеем на выходе? Что является результатом работы этой сложной биологической системы? Не эффективная, направленная механическая работа, не генерация блестящих, революционных идей, не полезная умственная деятельность, а сплошное, непрерывное, хаотическое рассеивание энергии в виде банального тепла, лишнего шума, производимого вами же, и той чудовищной, вселенской энтропии, которую вы только что с таким успехом и блеском наглядно

продемонстрировали, в одно мгновение превратив упорядоченную, хоть и пыльную, систему этого архива в кромешный, неопиcуемый хаос. Ваш персональный коэффициент полезного действия стремится к абсолютному нулю. Термодинамика вашего тела — это не загадка, это просто несбалансированное уравнение, уравнение с грубой, фундаментальной ошибкой. Вы — живое, теплое, постоянно спотыкающееся доказательство того, что второй закон термодинамики неумолим и беспощаден. Любая замкнутая система стремится к максимуму беспорядка. А вы, судя по всему, — его катализатор и главный рупор.

Каждое его слово, произнесенное спокойным, лекторским тоном, било точно в цель, с хирургической точностью находя самые уязвимые, самые больные точки в ее душе. Он не просто оскорблял ее внешность или ее неуклюжесть — это было бы слишком примитивно, слишком банально для него. Он препарировал ее, превращая в бездушную, голую формулу, в нелепый, неработающий механизм, в объект для холодной, циничной насмешки. Это было в тысячу раз больнее любых слов о ее весе или фигуре. Он высмеял саму ее глубинную суть, ее неспособность гармонично вписаться в окружающий мир, ее фундаментальную, как он выразился, ошибочность. У нее предательски задрожали губы, а в глазах зашипало. От чудовищного, испепеляющего унижения, от горького осознания собственной нелепости, от этой же-

стокой, убийственной, безупречно изложенной логики, против которой у нее не было и не могло быть ни единого, даже самого жалкого аргумента. Она действительно, в это самое мгновение, поверила ему. Она и правда чувствовала себя грубой, неисправимой ошибкой в стройном и элегантном уравнении мироздания.

Она открыла было рот, чтобы хоть что-то ответить, возразить, защититься, но из ее горла вырвался только сдавленный, полузадушенный, жалкий полувсхлип-полувздых. Слезы, которые она так героически, так отчаянно сдерживала весь этот бесконечно длинный, кошмарный день, наконец прорвали плотину ее самообладания. Они брызнули из глаз, горячие и обжигающие, и потекли по пылающим щекам, оставляя мокрые дорожки на покрасневшей коже, смешиваясь с серой архивной пылью и капельками крови из порезанной ладони. Она резко, порывисто отвернулась, не в силах больше выносить этот пронзительный, изучающий, препарирующий взгляд.

— Вы... вы просто чудовище, — прошептала она сдавленно, судорожно и некрасиво размазывая слезы, пыль и кровь по лицу тыльной стороной здоровой руки.

— Вполне возможно, что так и есть, — совершенно спокойно, даже равнодушно согласился он, и в его голосе она не

услышала ни капли раскаяния, ни тени сочувствия, ни намека на жалость. — Но согласитесь, я — чудовище, которое хотя бы знает физику. А теперь, пока вы окончательно, бесповоротно и безвозвратно не растворили в своих обильных слезах последние остатки этого архива, думаю, нам пора убираться отсюда. Если, конечно, у вас нет острого желания лично познакомиться с ночным обходчиком и его командой. Уверяю вас, он куда менее разговорчив и обладает куда худшим чувством юмора.

Он резко развернулся на пятках и, не оборачиваясь и не дожидаясь ее ответа, направился к двери. Он даже не взглянул на нее. Алиса стояла, совершенно парализованная, посреди учиненного ею же разгрома, не в силах пошевелиться, не зная, что предпринять. Идти за ним, как побитая собачонка, казалось последней, финальной степенью унижения. Но оставаться здесь, в этой гулкой, мертвой темноте, наедине с осколками, пауками и местом своего сокрушительного, абсолютного позора, было откровенно, до дрожи, страшно. Луч его фонаря, прыгая по стенам и стеллажам, уже стремительно удалялся, растворяясь и дробясь в лабиринте проходов. Первобытный страх одиночества и темноты пересилил остатки гордости. Прижимая к груди порезанную, саднящую руку и спотыкаясь на каждом шагу в полной темноте, она, не разбирая дороги, почти побежала за ним, ведомая лишь удаляющимся световым пятном. Он ни разу не оглянулся,

но, казалось, специально, чуть заметно замедлил шаг, давая ей возможность не потеряться и следовать за ним в этом лабиринте из старого научного металлолома и забытых идей.

Они вышли наружу через совершенно неприметную, узкую боковую дверь, замаскированную под часть стены, которая привела их в совершенно другую, незнакомую Алисе часть коридора. Здесь уже горел нормальный, яркий, почти режущий глаза электрический свет, и реальность Академии — ее стерильные запахи, ее холодный блеск, ее безмолвные правила — обрушилась на Алису с новой, удушающей силой. Он остановился, прислонившись плечом к идеально гладкой, покрашенной в белый цвет стене, и достал из глубокого кармана своих джинсов маленькую, плоскую упаковку с одноразовой антисептической салфеткой и такой же бактерицидный пластырь телесного цвета.

— Держите, — сказал он ровным, ничего не выражающим голосом, небрежным жестом протягивая ей эти предметы первой необходимости. — Настоятельно рекомендую обработать порез, пока туда не попала какая-нибудь особо зловредная инфекция из архивной пыли. Вы нам, возможно, еще пригодитесь. Как минимум — в качестве наглядного, ходячего пособия по энтропии и термодинамике неравновесных процессов.

Она машинально, словно во сне, взяла из его рук салфетку и пластырь. Ее пальцы дрожали так сильно, что ей потребовалось несколько попыток, чтобы разорвать фольгированную упаковку. Резкая, отрезвляющая боль от антисептика, попавшего в рану, немного привела ее в чувство, вернула к реальности из этого кошмарного, абсурдного сна.

— Кто вы? — тихо, почти беззвучно спросила она, не поднимая на него глаз и сосредоточенно заклеивая порез пластырем.

— Моя фамилия Крамер, — ответил он с той же ленивой, ничего не выражающей интонацией, словно это не имело ровным счетом никакого значения. — Но в этих стенах меня гораздо чаще называют Призраком колб. Думаю, после сегодняшнего инцидента вы без труда поймете этимологию этого прозвища. В моем присутствии хрупкая стеклянная лабораторная посуда имеет неприятное, я бы сказал, мистическое свойство биться. Правда, как мы только что выяснили, в вашем случае это разрушительное свойство, кажется, распространяется и на всех, кто находится в непосредственной близости.

Он слегка склонил голову набок, и его серые глаза, холодные и ясные, снова принялись разглядывать ее, как какую-то нерешенную, интересную, но досадно запутанную за-

дачу, которая не давала ему покоя.

— Дорогу до студенческого общежития отсюда найдете? Отлично. И запомните одну простую вещь: Архив — это не место для детских игр в прятки. И уж тем более это не место для тех, кто ищет убежища от собственного отражения в зеркале. Наука, если вы еще не поняли, — это самое безжалостное, самое бескомпромиссное зеркало из всех существующих. Оно всегда, рано или поздно, показывает правду, какой бы... неэстетичной, неудобной и жестокой эта правда ни была. Оно не щадит никого.

С этими словами он легко оттолкнулся от стены и своей бесшумной, скользящей, почти призрачной походкой двинулся прочь по длинному, уходящему в перспективу коридору. Его черный свитер, сливающийся с тенями, очень быстро растворился в яркой полосе дневного света, льющегося из окна в конце коридора. Алиса осталась стоять одна, прижимая к быстро бьющемуся сердцу окровавленную салфетку и использованный пластырь. Физическая, ноющая боль в порезанной ладони была сущей, ничего не значащей мелочью по сравнению с тем ураганом, той всесокрушающей бурей эмоций, что бушевала у нее внутри. Термодинамика ее тела. Уравнение несовместимости. Призрак колб. Его жестокие, невыносимо точные слова жгли ее изнутри каленым железом, выжигая на душе уродливые клейма. Но са-

мым странным, самым неожиданным и пугающим было то, что вместе с обидой, вместе со жгучей ненавистью и унижением в ней зарождалось и росло что-то совершенно новое, доселе незнакомое, чему она сама не могла подобрать названия. Это было не просто желание доказать, что он ошибался, что она не ошибка. Это был жгучий, лихорадочный, почти болезненный интерес. К нему, к этому невыносимому, высокомерному нахалу с глазами цвета жидкого азота и острым, как скальпель, умом. К его холодному, закрытому гению. К этому проклятому, обидному, но такому точному уравнению, которое он с такой жестокой, циничной легкостью вывел, разобрав ее на составные части. Она стояла, словно оглушенная, и медленно приходила в себя, пока ее взгляд не упал на пластырь, который она все еще сжимала в руке. Она машинально перевернула его и замерла. На внутренней стороне, прямо на мягкой подушечке, шариковой ручкой, неровным, угловатым, почти нечитаемым почерком — почерком человека, привыкшего записывать формулы быстрее, чем думать, — была нацарапана короткая, лаконичная надпись: «Ауд. 317, корпус Б. Вторник, 20:00. Если хочешь разобрать твоё уравнение. Г.К.». Сердце в груди пропустило удар, а затем забилося с утроенной силой. Значит, это был не просто безжалостный допрос с пристрастием, не просто изощренное издевательство от скуки. Это было приглашение. Билет в его мир. И она, уже захлопнув ловушку своего любопытства, знала с абсолютной, пугающей

уверенностью, что пойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.